

УЖЕ не раз говорилось о схематичности широко распространенной в литературоведении формулы, согласно которой развитие литературы XIX столетия было прямым «восхождением» от романтизма к реализму». Действительно, в эту схему невозможно уместить реальное богатство литературных явлений. Если иметь в виду только русскую литературу, то здесь мы наблюдаем «сосуществование» романтизма и реализма: в один и тот же период были созданы, например, «Демон» и «Мертвые души», «Тарас Бульба» и «Капитанская дочка». Известно, что Гоголь одновременно работал над романтическим «Тарасом Бульбой» и реалистической «Шинелью», Лермонтов — над «Демоном» и «Героем нашего времени»...

Сталкиваясь с подобными парадоксальными на первый взгляд фактами, историк литературы, естественно, ощущает необходимость более тонко и исторически обоснованно осветить взаимоотношение и борьбу романтических и реалистических тенденций — и в творчестве отдельных писателей, и в литературе целых эпох. В изучении русской литературы первой трети XIX века — периода становления критического реализма — эта проблема является одной из важнейших.

Вопросу о романтизме и реализме уделено значительное место в новой монографии Вл. Архипова «М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия» (издательство «Московский рабочий», 1965). Автор, по его собственным словам, ставил своей задачей «раскрыть сложный духовный облик» поэта, а также высказать «некоторые обобщения, касающиеся типа и характера» его художественного мышления.

Работа Вл. Архипова представляет собой самостоятельную попытку воссоздать облик Лермонтова — гражданина, мыслителя и поэта в его целостности. Исследование, опирающееся на обширный и во многом свежий материал, написанное в живой, публицистической, эмоциональной манере, естественно, вызвало интерес — несколько рецензий уже появилось в печати.

В книге Вл. Архипова охвачен широкий круг проблем. Однако решение вопроса о творческом методе Лермонтова определяет в конечном счете концепцию книги, причем автор справедливо настаивает на уточнении, а вернее сказать, пересмотре формулы «от романтизма к реализму». Правомерно поэтому остановиться на одной этой проблеме, рассмотреть позицию и аргументацию автора. Тем более, что в острой полемике со своими оппонентами исследователь высказывает здесь, пожалуй, наиболее спорные суждения, смысл которых выходит за пределы собственно лермонтоведения.

В КНИГЕ справедливо говорится о том, что вопрос о соотношении романтизма и реализма «плодотворно рассматривать в сфере идейно-тематического содержания». Заметим, что подобная точка зрения и лежит в основе большинства серьезных исследований на данную тему. «Романтизм и реализм — это разные типы понимания жизни, а не личные особенности манеры художника», — подчеркивал, например, Г. Гуковский в книге «Пушкин и русские романтики». Такова предпосылка подлинно научного подхода к проблеме.

Как же осуществляет Вл. Архипов в ходе исследования этот верный принцип, выработанный нашим литературоведением? Говоря конкретно, что подразумевал автор работы о Лермонтове под «идейно-тематическим содержанием» романтического и реалистического творчества? Ответ на это оказывается неожиданным.

«Синонимами» романтизма автор книги считает революционный протест, оправданное беспощадное «русского бунта», историческую прозорливость, «синонимами» же реализма, напротив, — «приятные действительности, смирение, покорность, отказ от поисков бури... «образок святой»...» Автор убежден, что именно поэтому буржуазно-либеральное литературоведение так охот-

но говорило о преодолении Лермонтовым романтизма.

Нельзя не согласиться с Вл. Архиповым, когда он осуждает «голое противопоставление революционного романтизма и реализма как направлений (и методов!», которые в действительности не были и не могли быть враждебны друг другу. Но тут же, словно забыв об этом, исследователь ставит читателя перед метафизической дилеммой: «Или романтическая гордая вражда с небом, или реалистическое примирение с землей; или сатанинское безверие Демона — и тогда романтизм, или святой образок народной жизни — и тогда «реалистические тенденции». Третьего не дано».

Вл. Архипов заявляет со всей определенностью: «Художественно-эстетическая победа реализма не всегда была победой идейно-политической. В идейном плане такая победа могла быть движением вспять».

Странно, что этот очевидный

романтиком Одоевским? И что можно поставить рядом с этим удивительным броском в будущее — «Из искры возгорится пламя»? — восклицает автор. Нельзя не отдать должное темпераменту исследователя, но хотелось бы, чтобы от этого не страдал объективный исторический анализ литературных процессов.

РАЗЛИЧИЕ и взаимосвязь романтического и реалистического принципов творчества гораздо сложнее, чем это представлено у Вл. Архипова.

Идейно-художественные завоевания романтизма неоспоримы — они оказали значительное влияние на все последующее развитие искусства. Однако выработка реалистического метода знаменовала собой новый шаг в художественном освоении действительности.

Мир романтиков замкнут. Это почти исключительно мир неба и полета, если можно так выразиться, мир «верха» без «низа», мир резких и непримиримых про-

державия — «град Петров», «Петра творенье», а в «Капитанской дочке» попытался «провести идею классового мира».

Думается, нет нужды опровергать эти утверждения. Так же, как и легенду о будто бы «примирившемся» с николаевской действительностью, склонившемся «вправо», забывшем романтическую «непреклонность» «гордой юности» Пушкине 30-х годов, — легенду, воскрешению которой Вл. Архипов отдал в книге щедрую дань. Достаточно лишь напомнить о достижениях советского пушкиноведения, рассматривающего историзм как основу пушкинской реалистической системы.

Трудно не согласиться с А. Бушминым, который заметил («Русская литература», № 1, 1966), что Вл. Архипов «умеет заставить «говорить» анализируемое произведение в искомом направлении и в этом направлении захватывает глубоко, бывает пронизателен, остер, изобретателен. Но если на этом пути встречаются факты, сопротивляющиеся принятому исследователем курсу, то В. Архипов не всегда в должной мере считается с ними или же тенденциозно подчиняет их своей властной логике».

Что верно — то верно: «деспотизм логикирующей мысли» оказывает автору книги плохую услугу. Вл. Архипов, например, пишет: «один из современников» Карамзина «ядовито заметил», что «История государства Российского» доказывает «необходимость самовластия и прелесть кнута». Кто же был этим радикально настроенным и не лишенным остроумия «современником»? Об этом Вл. Архипов танкетно умалчивает, и неспроста: ведь «современник» этот — не кто иной, как Александр Сергеевич Пушкин, «провозглашенный» Вл. Архиповым «защитником» «карамзинизма как политического принципа»...

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ просчеты мешают исследователю достигнуть поставленной цели — проследить, как «синтезируются» в творчестве Лермонтова романтические и реалистические начала. Возвеличивая романтизм, всячески «поднимая» его «над» реализмом, Вл. Архипов тем не менее приходит к выводу, что лермонтовский романтизм — это «ищущий реализм», что романтики часто «оказывались большими реалистами, чем сами реалисты». По словам автора, Лермонтов, особенно в последний период творчества, то и дело «переходил» от романтизма к реализму и обратно, совершая «челночные операции» (!).

Если Лермонтов создавал одновременно «Демона» и «Героя нашего времени», то, разумеется, между этими произведениями нет непреходящих границ. И все-таки, что бы ни говорили о романтическом колорите «Героя нашего времени», его принципиальное отличие от «Демона» очевидно. Лермонтов расширяет в последние годы сферы своего творчества, и замечателен тот факт, что «силы необъятные» и «назначение высокое» осознает в себе не повелевающий пространством и временем обитатель «надзвездных краев», а Григорий Александрович Печорин, офицер с прозаической «подорожной по казенной надобности».

Внутренняя жизнь Печорина, вопреки утверждению Вл. Архипова, не может быть полностью сведена к «социальной типологии мышления». Безграничные возможности личности, которую нельзя без остатка замкнуть в узкие рамки определенной социальной группы, касты, класса, выразила лермонтовская «диалектика души», объявленная Вл. Архиповым «пресловутой». А ведь это и было одним из тех открытий, в которых Лермонтов «пошел дальше Пушкина» и предвосхитил Достоевского и Толстого.

...Романтизм и реализм — живые, движущиеся явления, обладающие своей историей и многообразными формами выражения. Поэтому закономерности их развития надо не «предписывать», а диалектически исследовать, опираясь на все богатство литературного процесса.

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

РЕАЛИЗМ НЕ ВИНОВАТ

М. БОЙКО

разрыв идейного и художественного именуется в книге «диалектикой развития русской литературы». Какая уж тут диалектика, если Вл. Архипов считает, что реализм сам по себе — без «помощи» романтизма — не способен выразить красоту и поэзию жизни, показать ее животворящие, революционизирующие силы! Прекрасное и героическое, по мнению автора, — монополия романтизма; удел реалистической литературы XIX века — «крепостнические обстоятельства и крепостнические характеры в гармонии их взаимодействия».

Но как же тогда, скажем, расценивать поэтическое у Гончарова, Толстого, Чехова, последовательно отстаивавших реалистические принципы изображения жизни? И можно ли отнести к разряду «крепостнических характеров» Татьяну Ларину, Печорина, Базарова, Пьера Безухова? Как быть, наконец, с Пушкиным, с его бессмертной лирикой, запечатлевшей гармоничный строй представлений и чувств «русского человека в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет»?

Подобные вопросы, по-видимому, не смущают Вл. Архипова. Реализм Пушкина и Гоголя превращается под его пером в реализм «на подножном корму», лишенный перспектив, реализм, «занимавшийся больше станционными зрителями...» «Ныне повесть о бедном чиновнике, завтра повесть о бедном чиновнике — да нельзя же до бесчувствия», — укоризненно обращается к классикам автор.

Доказательства «ограниченности реализма» автор ищет повсюду: оказывается, поэма «Тамбовская казначейша» была для Лермонтова «сатирой, если не пародией»... на реализм, поэт демонстрировал в ней... «бессилие реализма выразить «высоких дум священную отвагу». Трагедия Гоголя явилась, как считает Вл. Архипов, «и трагедией реализма». В то же время сама мысль об ограниченных возможностях романтического метода или хотя бы об ограниченности отдельных произведений, созданных на его основе, кажется автору кощунственной. И не только применительно к Лермонтову или Пушкину, но и, скажем, к Бестужеву-Марлинскому, заслужившему в свое время суровую оценку Белинского.

Выступая против догматических представлений о том, что реализм всегда «выше» романтизма, Вл. Архипов стоит, по сути дела, на методологических позициях своих оппонентов, лишь впадая в другую крайность. «По силе прозорения в будущее, кто из реалистов может сравниться с

творческих, мир «мертвой» и «живой» воды. Высокое и героическое резко противостоят здесь «житейской прозе». В отличие от романтиков, художники-реалисты не воздвигают непроницаемых преград между «поэзией» и «прозой» жизни, изучают объективную взаимосвязь явлений.

Человеческая личность поглощает в себе у романтиков весь мир; у реалистов она находит обоснование в реально обусловленном историческом процессе...

Пренебрегая внутренними законами этих идейно-творческих систем, неправомерно разобщая при конкретном художественном анализе политическое и эстетическое, Вл. Архипов приходит нередко к неверным выводам.

Вот исследователь сопоставляет лермонтовский роман «Вадим», не законченный автором, и пушкинскую «Капитанскую дочку». Сравнение это оказывается не в пользу Пушкина.

Посмотрим, как же следует здесь автор принципу «содержательного» (а не «формалистского») анализа. В романтическом «Вадиме» — острота социального протеста: «дикий произвол «барства диного», с одной стороны, дворянин-революционер и ненависть народная, — с другой. Здесь помещик Палицын — злодей, так уж злодей до конца, ненависть к нему — это испепеляющая ненависть, и только. А в пушкинской «Капитанской дочке» и барин как будто не злой, и вождем крестьянского восстания Пугачев — человек странный: помиловал своего несомненного врага Гринева, вспомнив о пожалованном с «барского плеча» тулупчике...

Вл. Архипов так и пишет: «Лермонтов начисто исключил из исторического повествования сентиментальный мотив «своего барина», а равно и «заячки тулупчика», как явно не соответствующие достоинству и характеру темы народного восстания, приглушающие ее существо».

А ведь то, что пушкинский Пугачев помнит добро, помнит дорожную услугу, оказанную ему Гриневым, необычайно важно. Как метко сказал Горький, живой образ Пугачева дан в «Капитанской дочке» «с проницательностью историка».

Неверное истолкование Вл. Архиповым образной детали («заячки тулупчик») наносит ущерб пониманию идейного смысла повести. Более того: превратному толкованию подвергается вся историко-философская концепция Пушкина. «Улики» здесь, в частности, таковы: Пушкин посвятил «Бориса Годунова» памяти Карамзина, а это будто бы равнозначно защите «карамзинизма как политического принципа»; он вдохновенно воспел символ само-